

И МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНЬЕ ...

К радости ценителей фортепианного искусства приезды в наш город пианистки Седмары Закарян-Рутстейн, живущей и работающей в США, становятся регулярными. Завоевав Европу и Америку, сделав ряд ценных фонозаписей (особенно русской музыки), она не забывает и Ленинград-Петербург, выступая в Большом и Малом залах Филармонии, и в своем "родном доме" — Консерватории, где она была одной из любимых учениц замечательного профессора Надежды Иосифовны Голубовской, возглавлявшей многочисленную пианистическую школу.

Есть исполнители, которые создали себе имя, играя немногих или даже одного композитора (например, Бетховена), или специализирующиеся на определенной эпохе, скажем, эпохе романтизма. Репертуар С. Закарян-Рутстейн строится совсем иначе. В него входят: клавесинисты и Скарлатти, Бах, венские классики и романтики, Шопен, Лист, русские композиторы, Дебюсси и Равель, музыка Шостаковича, Слонимского, Тищенко, музыка американских композиторов: Такой огромный репертуар свидетельствует не только о широте творческих взглядов Закарян-Рутстейн, но и о ее возможностях как пианистки.

В концерте, о котором пойдет речь, она поставила на афишу сочинения Скрябина и Дебюсси — двух современников. В самом

выборе и сопоставлении на афише произведений этих композиторов уже заложена некая идея.

Как это бывает у каждого настоящего большого исполнителя, расширение рамок репертуара помогает узнать нам новые и новые грани его дарования. Закарян-Рутстейн зарекомендовала себя как исполнительница высочайшего ранга, владеющая всеми секретами пианизма, но самое главное, что ее мастерство служит важнейшей цели — понять и выразить концепцию композитора и как следствие увлечь своим исполнением слушателя. Никакой приблизительности — вот ее творческий девиз! Разумеется, это не означает ограничения полета творческой фантазии, свободы и гибкости трактовки произведений.

Открыли концерт и были его "прелюдии" — прелюдия и ноктюрн для левой руки, сыгранные в очень тонкой нюансировке, при безупречном звуковом балансе. Иллюзия "двуручности" исполнения была полной, настолько независимо прозвучали все сложные узоры фактуры. В центре первого отделения была Соната № 3, датируемая 1898 годом. Впереди у Скрябина еще будут симфонические сочинения, где он воплотит "борения духа", творческий экстаз, также впереди еще фортепианные сонаты, где он стремится к аналогичным "звездным" целям. Но и в Сонате № 3 сквозь листовские наплы-

вы звучностей уже явственно распознается его Скрябина, его почерк. Геронка Сонаты находит выражение в контрапунктах мотивов, тем, ритмов, требующих своего прочтения не в листнянской, а в скрябинской манере. Вот это и было тем, что необычайно привлекло в интерпретации Закарян-Рутстейн. Ее Скрябин — Скрябин абсолютно современный, не похожий на Скрябина в исполнении пианистов, не могущих переступить через романтические стереотипы. Волны нарастаний звучности в Сонате, когда, кажется, что теряешь им счет, закономерно приводят к финальной кульминации. Вся композиция, исходящая из первого мотива *drummatico*, приобретает строгую логику, стройность.

Подлинным откровением стало второе отделение концерта, в котором целиком и без перерывов прозвучала первая тетрадь Прелюдий Дебюсси. Именно такое исполнение позволяет воспринять эту тетрадь, как своеобразную сюиту, наследующую традицию клавесинистов и Шопена и вместе с тем устремленную к Мессияну. Прихотливые, многозначные образы-впечатления Дебюсси получили на редкость убедительное воплощение. Удалось как медленные "легатные" прелюдии, так и быстрые токкатные, равно как и танцевальные. Однако нельзя особо не отметить в трактовке Закарян-

Рутстейн "скользящие" мотивы "Парусов", по-клавесинному легкое туше в "Ветре на равнине". Точно был найден темп и капризные его смены в "Прерванной серенаде" и "Менестрелях". Исполнительница выявляла в Дебюсси те черты, которые оказались близкими XX веку и были развиты Стравинским, Бартоком. Прелюдия рождалась из мотива-импульса, тембровые расслоения фактуры подчеркивались гибкой, выверенной педализацией. Звуковые краски рояля то мерцали, то взрывались ярким светом. Все было сыграно с необыкновенной эмоциональной отдачей. Вдохновению пианистки сопутствовала и : удача. Ни малейшего случайного огреха, звуковой "кляксы". Пианизм Закарян-Рутстейн предстал в совершеннейшем виде.

Публика, до отказа заполнившая зал, восхищенно откликнулась аплодисментами, цветами, многократными вызовами. И была вознаграждена "бисами".

Прошедший с исключительным успехом, этот концерт лишний раз напомнил нам о неисчерпаемом богатстве наших исполнительских школ, которые, к счастью, сохранились, продолжают развиваться и распространяются по всему миру.

Валерий Смирнов
(Санкт-Петербург)